

К 100-летию
со дня рождения
П. П. БАЖОВА

УРОКИ МАСТЕРА

ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО
И ЗАБЫТОГО

«Борис Степанович!

Знаю, что ты принадлежишь к той группе людей, у которых завтрашний день заслоняет следующие, что критику ты не очень жалуешь, с поправками редко соглашаешься и к нашему брату — старикам относишься со снисходительностью своего возраста: тоже учителя. Что они понимают! За всем тем мне захотелось написать тебе в дополнение к рецензии, которую все же надо считать поддерживающей. Не поленился даже новую копию положить. Пусть и у меня памятка останется, что пытался поставить вопрос по-серьезному, что, подписывая рецензию, знал, где кончается журнальная литература и где начинается книжная.

Кому-кому, а тебе, пишущему на злободневные темы, последнее надо знать до тонкости, чтобы не увлечься при отборе материалов для того или другого сборника. Аprobация через печать для вещей на злобу дня очень немного значит. То, что сегодня принимается и печатается в журналах, то завтра уж не годится, и соединять такое в отдельные сборники даже вредно для писателя. Если подходить к челябинскому сборнику с этой меркой, а с ней только и надо подходить, то там многое следовало бы отбросить, хотя в свое время это было приемлемым и не плохим. Для примера возьмем «Вражий след». Этот рассказ напечатан в 43-м году, а написан, может быть, в 42-м. Тогда все мы усиленно заботились о маскировке городов. Чуть не изменой считалось, если кто-нибудь закурит папиросу в подъезде. Даже у нас, помнишь, были закрашены верхние стекла трамвайных вагонов. И все это тогда было нужно и оправданно. Маскировка городов, как известно, продолжалась до окончания войны с Германией, но уже в начале 43-го года на улицах Москвы горели не только синенькие лампочки, но и простые, только закрытые сверху абажуром, так как все к тому времени знали, а дети тем более, что на расстоянии десятка километров никакой спички не разглядишь, а боковой свет из окна многоэтажного дома сверху и вовсе не увидишь. Прочитав такой рассказ в 45-м году, юный читатель в лучшем случае пренебрежительно оценит: «Дядя автор не знает, что спичку с самолета не разглядеть», а в худшем же может подумать: «Какой дурак десантник, он, как мальенький, окошки бьет, а для чего — неизвестно!» Это уж, как видишь, пошло по линии недооценки врага, что, безусловно, надо признать особо вредным. Не поверит читатель и тому, что в затемненном большом городе, где и днем-то не так уж светло, можно было ночью разглядеть рассыпанное на углах марки. Мало ли всяких бумажек валяется! Малсывероятен и вызов с моря путем крестообразного знака, сделанного зажженной спичкой. Тут ведь надо не забывать, что в портовом горске и наша охрана где-то имеется, посмотрит не только с суши, но и с моря. А у тебя это вовсе забыто. Десантники начинают тут же на берегу разговаривать по-немецки настолько громко, что мальчик даже разбирает такие слова, как постант, бангоф и др. Читатель ведь должен удивиться: «Какие дураки! Таких поймай совсем просто!»

Для очередного номера газеты или журнала такой порядок в какой-то степени терпим, так как первое условие — современность, а для книжки, рассчитанной на более долгую жизнь, требуется другое и, в первую очередь, именно та мелочь, которая заставляет поверить автору вполне и всерьез. Вот, например, у тебя в «Святохе» (не лучше ли Святохе?) есть место, когда он, пустив воду, от-

Обычно мы говорим о Бажове: мудрец, сказочник, мастер. И забываем, что он был еще учителем. А учителем он был всю жизнь.

В течение длительного времени я имел возможность близко наблюдать Бажова, учиться у него.

Несмотря на большую разницу в возрасте, нас связывала настоящая дружба. Контакты были деловые и личные. Встречались в союзе и в доме Бажовых. Не говорю о бесчисленных творческих обсуждениях, заседаниях, конференциях, собраниях.

Всегда поражало умение Бажова увидеть главное и по-своему точно, лаконично, с народными речениями выразить это. Он никогда не навязывал своего мнения, говорил негромко, даже в каком-то изысканном тоне, но всякий раз умел облечь свою мысль в такую форму, что она надолго оставалась в памяти. Не помню случая, чтоб он рассердился, вышел из себя и повысил голос, хоть бывало всякое; эта черта его была поистине удивительна, как поражающе удивительна была необыкновенная широта бажовских знаний; а за всем этим скрывалась подлинная доброжелательность к людям, неизменные приветливость и готовность помочь.

Не забыть, как однажды он вступился за меня. Шло обсуждение писательской продукции. Разбирали по косточкам. Видимо, сочтя критику излишне строгой, а в чем-то и претенциозной, дождавшись, когда выснажутся все, Павел Петрович вынул трубочку изо рта (нурил он много) и неторопливо молвил: «Тут про Бориса всякое говорили. А я вот так скажу: другой поедет — ничего не привезет, а Борис поедет — шестнадцать тем привезет».

Он ценил в людях энергию, трудолюбие, творческую жажду и напор (последнее, как бывшему журналисту, ему было особенно понятно и близко), умел видеть и недостатки; а тем, в кого верил, от него чего-то ждал в будущем, считал необходимым говорить вещи серьезные, предъявлял повышенные строгие требования.

Предлагаемое сегодня вниманию читателей «Литературной России» письмо я получил уже после смерти писателя. Валентина Александровна, жена Павла Петровича, вручила его мне в декабре 1950 года.

Письмо это — наглядное подтверждение заботы Бажова о молодом литературном поколении, свидетельством того, что ему было далеко не безразлично, кто будет после нас.

Как правило, Павел Петрович рецензий не писал, но, видимо, в данном случае отошел от этого правила и, надо думать, все с той же целью — помочь молодому начинающему коллеге лучше разобраться в том, чего тот достиг, а чем не надо обольщаться, что хорошо и правильно, а что ошибочно и может помешать в дальнейшей работе. Замечу, что разбираемые им мои рассказы были написаны в военные годы и являлись выражением общих для нашего народа чувств, желания автора в меру отлученных ему возможностей послужить общему делу победы, которому в тот момент отдавал себя каждый. Однако то, о чем говорит Бажов, не утратило своего значения и сейчас и может быть распространено на всю литературную прантину.

Думаю, что критические суждения и советы, содержащиеся в этом дорогом для меня письме, заставят задуматься многих.

СВЕРДЛОВСК

Б. РЯБИНИН

П. П. БАЖОВ в редакции «Крестьянской газеты», 1924 год.

ходит от станка к окну В чем тут дело, для меня, технического неграмотного, неясно, но я чувствую, что пишущий что-то знает, и я это рассматриваю как очень положительное, начинаю с этого момента верить, что тут не голая выдумка. В этом и есть суть вопроса. Фабульная линия важна, но только взвешенные детали делают произведение живым и правдивым. С одним сюжетом выезжать в книгу нельзя.

Возьмем другой пример — «Олений камень». Сюжет там сладковатый, в стиле Кл. Лукашевич. В. Дмитриевой и др «писателей для детей». Берет рассказ местным колоритом: Чусовая, ледоход, быт лесных деревень. Олений камень (легенда рассказана небрежно). Хороша подробность: отпустил лошадь, привязал вожжи за олошью. Но и здесь много недоуменных деталей, потому что автор во власти только своей мысли, а не представлений Ты выводишь мальчика на берег по расщелине, которая идет с вершины Оленьего камня, но попробуй представить эту расщелину в пору половодья и станет ясно, что это неправдоподобно. В эту пору по ней либо бурный поток, который неизбежно сметет человека даже без груза, либо она может представлять сплошную наледь, по которой тоже не поднимешься. Да при таком решении еще забывается другое, более важное. Парнишку направил за картиной заведую-

щий лесопунктом. Начало ледохода, важнейшее событие для лесопункта, там не могли пропустить незамеченным, а заведующий тем более. Послал лошадь, мальчугана! И ничего, никаких встречных действий! Читатель об этом помнит, а писатель забыл, так как ведет свою линию только рассудочно, без живого представления того, о чем рассказывает.

Даже рассказ «Мертвый конус», где как будто все правильно, едея ли принадлежит к тем, которые ты потом, когда будешь подводить итоги своей литературной работы, возьмешь для перепечатки.

Ты только на это не сердись. Ведь пишу потому, что продолжаю думать о гоем будущем, которому пока что мешает твоя поспешность. Выход книжек, конечно, важен не с одной материальной стороны, но все-таки здесь надо быть очень строгим к себе, выбирая лишь то, что писано без большой спешки. Да и вообще следует подумать о самой манере письма, требующего более глубокого изучения предмета, и, главное, надо не только расставлять, но и представлять своих героев в тех положениях, в какие они ставятся.

Не менее важно повернуть свои мысли в сторону тех пустяков, которыми ты, как я заметил, пренебрегаешь. Знаешь ведь анекдот: бюст фавна был вылеплен отлично, но когда художник выломил у этого фавна

один зуб, скульптура выиграла не вдвое или втрое, а совершенно неизмеримо, так как она ожила. Этот вышибленный зуб советую помнить всегда, перефразировав применительно к своему творчеству: «Где тут та полнокровная деталь, которая есть в «Моих друзьях», но которой нет в «Каменных загадках» (напоминаю тебе эту азбуку потому, что у тебя заметна склонность переоценивать свою занятость и недооценивать литературную болтовню». Занятость, конечно, дело почтенное, но и «болтовней» в нашем ремесле пренебрегать не следует). Правда, очень часто невод приходит с одной травой морской или с тинной, но иной раз окажется и золотая рыбка, какую у своего стола не высидишь, хоть трое подшитых кожей штанов просиди. На последнем вот четверке, с которого ты ушел, оказалось даже три таких рыбки. Правда, они могут мешать очередной работе, но они же могут и вести ее дальше: Слушай Трубина*, я подумал: «Вот бы пару подобных речений в «Олений камень», совсем бы он по-другому зазвучал». Но, разумеется, речений не столбских, не у стола высиженных, а именно таких же самородных, какими богаты оказались эти никчемные по сюжету рассказы. А Соболь**! Ведь надо было видеть, как оживленно реагировали при его чтении и как свирепо стали разносить, чтоб понять, на какой плоскости лежит гротеск современного быта. Все его жадуют, но все одинаково боятся впасть в пошлость. Найти правильную линию, и откроется огромная область.

В заключение чудесный парен, поразивший всех своими стихами. Приятней всего, что он продолжает свою учебу по специальности, хотя уже теперь может «встать в ряды». Такие неожиданные явления тоже полезны, так как они мобилизуют на борьбу за качество, напоминают, что на литературном поле могут скоро появиться новые люди, которые уже брали культуру не рывками, а систематически и не в гом количестве, какое досталось предыдущим поколениям... Они будут один за другим выкладывать на издательский стол ту литературу, о которой давно скучает читатель. Всякому, кто в настоящее время занимается литературой, это полезно напомнить, как и то, что литературные поколения в прошлом столетии считались по десятилетиям.

Словом, подумай, а я на этом кончу.

Впрочем, еще два совета. У тебя в рассказах почти вовсе нет или очень редки «играющие слова», и это, на мой взгляд, не вполне понятно. Не все же время ты обращаешься в кругу себе подобных интеллектуалов, где ценное слово только в анекдоте и то в большей части фривольном. Или ты не привык ни при чтении, ни при разговоре следить за словом. У тебя даже как-то нет «кребрячьих слов», хотя встречи ведь бывают, и нередко. Конечно, тут надо не переборщить, не дойти до того самого «слабо», которое т. Перцов справедливо назвал жаргонным.

И еще. С каждой написанной страницы перед тем, как ее сдавать для перепечатки, надо выжать не меньше двух-трех строк. Все лишние слова, все «не стреляющие ружья» и «попутные рассуждения» выбрасывай самым безжалостным образом.

Не обижайся на учительный тон письма. Делаю это, как уж говорил, только потому, что хочу в меру своих сил и разума помочь напористому человеку выйти с боковых дорожек журнального творчества на большую дорогу литературы».

* Молодой литератор.

** Молодой литератор.